

Министерство образования и науки Российской Федерации
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САРАТОВСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ Н.Г.
ЧЕРНЫШЕВСКОГО»

Кафедра теоретической и социальной философии

«Социально-философские проблемы исторической памяти»

АВТОРЕФЕРАТ МАГИСТЕРСКОЙ РАБОТЫ

Студентки 2 курса 212 группы
Направления 47.04.01 Философия, профиль Социальная философия
философского факультета
Романовской Евгении Васильевны

Научный руководитель
профессор кафедры теоретической и социальной философии
доктор философских наук, доцент _____ Ломако О.М.

Заведующий кафедрой
теоретической и социальной философии
доктор философских наук, профессор _____ В.Б. Устьянцев

Саратов 2017

Введение. Актуальность темы исследования: Наше время характеризуется активным обращением гуманитариев к проблемам памяти (исторической, социальной, коллективной, культурной) и началом систематических разработок различных аспектов прошлого. Это связано с фундаментальными изменениями в жизни общества – ускорением социального времени, исчезновением традиционных сообществ, политизацией различных версий прошлого, забыванием травматического опыта последних десятилетий.

Цель и задачи исследования: Целью выпускной квалификационной работы является исследование социально-философских проблем манипуляций исторической памятью. В соответствии с поставленной целью в работе выдвигаются следующие задачи:

1. Исследовать процесс возникновения теорий памяти, выделившихся в группу «memory studies».
2. Проанализировать взаимоотношение памяти и истории в современном философском дискурсе.
3. Раскрыть явление травмы памяти как процесса кризиса коллективной идентичности.
4. Выявить подходы и механизмы манипуляций исторической памятью.

Научная новизна работы:

1. Установлено, что в XX веке появились понимание и новые подходы к изучению памяти как коллективного социального феномена.
2. Выявлено, что в современном социогуманитарном познании память выступает в качестве альтернативы историческому познанию.
3. Сделан вывод о том, что проблема идентичности в современном обществе связана с обилием травматических событий в современной истории и с запаздыванием признания их значимости.

4. Доказано, что путём манипуляций с образами прошлого можно воздействовать на формирование необходимой для настоящего памяти о прошлом.

Степень разработанности проблемы: Если обратиться к исследованиям памяти, то этими исследованиями в настоящее время заняты представители многих социально-гуманитарных наук. При попытке провести анализ литературы, которую мы использовали в данной работе можно согласиться с мнением А.В. Дахина, который выделяет в русле исследований, посвящённых мемориальной тематике, несколько устойчивых сегментов, обозначившихся уже в начале XX века: философский - А. Бергсон, С.Н. Трубецкой, социологический - Э. Дюркгейм, А. Моль, Я. Зерубавель, исторический - М. Хальбвакс, Ф. Ариес, П. Нора, психологический - У. Вордсворт, З. Фрейд, культурологический - Д. Вико, М. Фуко, герменевтический - Х.-Г. Гадамер), биологический - Батлер, Шелдрейк .

Работа содержит 3 главы: 1. Глава 1. Память в современных подходах «memory studies». Термины и понятия. 2. Глава 2. Проблемы исторической памяти в современной философии. 3. Глава 3. Историческая память: стратегии манипуляции; Ведения; Заключение и Списка использованных источников.

Основное содержание работы: Начиная с 1920-х гг. в социально-гуманитарном знании память начинает рассматриваться в социально-культурном измерении. В философии, социологии и искусствоведении возникли понятия коллективной и социальной памяти. «Мемориальный бум» в науках о культуре и обществе последних десятилетий привёл исследователей к выводу о том, что в современной действительности формируется новая парадигма социогуманитарных исследований, связанная с понятиями «память», «воспоминание», «забвение», взятыми в качестве социально-культурных явлений.

Современные теории памяти, формируются в группу «memory studies» или «cultural studies». Масса работ, которые могут быть отнесены к области «исследований памяти» - “memory research”, в разных научных областях на протяжении 1980-90-х гг. нарастает лавинообразно. Проблематика ряда областей современного гуманитарного знания стала переосмысливаться в свете memory research - научных исследований в области памяти. Общество сейчас переживает увлечение темой «памяти».

После работ М. Хальбвакса воспоминания и память рассматриваются как коллективный социальный феномен – коллективная память. Появилось новое научное направление – социологическое исследование памяти. В русле исследований «memory studies» выделились не только философские, социологические, но также и исторические, культурологические, герменевтические и психологические подходы к исследованию проблем памяти. Как же понимается коллективная память? Английский историк П. Хаттон так пишет по этому поводу: «Коллективная память – это сложная сеть общественных нравов-ценностей и идеалов, отмечающая границы нашего воображения в соответствии с позициями тех специальных групп, к которым мы относимся. Именно через взаимосвязь этих отдельных образов формируются социальные рамки...коллективной памяти, и только внутри этой системы координат может быть расположена индивидуальная память, если ей суждено выжить».

Исследуя проблемы памяти, учёные обращают внимание на так называемые «травмы» - (субъекта, личности, сознания, памяти). Особенность их состоит в том, что некоторые их предпочитают не помнить, жертвы же этих событий страдают от расщепления памяти, потери идентичности и в целом от того, что психоаналитики называют травмой. И для тех, кто был свидетелем ужасных событий, и для тех, кто родился позднее, травматический опыт не проходит бесследно. Психоаналитики доказали, что происходит передача травмы из поколения в поколение.

Определение идентичности в каждом словаре формулируется по-разному. Этих определений множество. Одни из этих определений представляют идентичность в психологическом ключе, другие в психофизиологическом, социальном и множестве других подходов. Идентичность – термин, содержащий в себе идею стабильности, наследственности, личностного самосознания, отнесённости к определённым социальным коллективам. Это - чувство своей целостности: (частично сознательное, частично бессознательное) с полом, возрастом, ролью, образцом, нормой, группой, культурой и т. п.)¹.

Идентичность понимается как отождествление, как одинаковость. Идентичность, с точки зрения психосоциального подхода, по Э. Эриксону, понимают как некоторое состояние самоотождествления, а «идентификацию» - как совокупность процессов и механизмов, ведущих к достижению этого состояния². Согласно Э. Эриксону, который исследовал социальное становление личности, у человека на протяжении жизни происходит (или он их переживает) ряд психосоциальных кризисов. Он выделяет восемь стадий развития идентичности, на каждой из которых человек делает выбор между двумя противоположными фазами решения возрастных и ситуативных задач развития. Характер выбора влияет на всю последующую жизнь в смысле её успешности или неуспешности. Идентичность с точки зрения психологов чрезвычайно важная компонента психики личности человека. Она является своего рода эпицентром жизненного цикла каждого человека. Идентичность формируется в качестве психологической составляющей в юном возрасте и от её качественных характеристик зависит функциональность личности во взрослой жизни. Очень важно, что психологи рассматривают процесс формирования идентичности в условиях социального взаимодействия. Э. Эриксон считал, что «... формирование идентичности предполагает процесс одновременного

---

¹ Николаев В.Г. Идентичность // Культурология. XX век. Энциклопедия. Т. 1. СПб., 1998. С. 238

² Микляева А.В., Румянцева П.В. Социальная идентичность личности: содержание, структура, механизмы формирования. СПб., 2008. С. 8.

отражения и наблюдения, ... посредством которого индивид оценивает себя с точки зрения того, как другие, по его мнению, оценивают его в сравнении с собой и в рамках значимой для них типологии; в то же время он оценивает их суждение о нём с точки зрения того, как он воспринимает себя в сравнении с ними и с типами значимыми для него»³. Нельзя забывать, что деструктивной альтернативой идентичности, с точки зрения психосоциального подхода, является спутанность идентичности. Типичным проявлением этого разрушающего психику явления, этой негативной идентичности является идентификация с криминальными сообществами. Утрата идентичности проявляется в таких негативных явлениях как отчуждение, деперсонализация, аномия, маргинализация, ролевые конфликты и другие явления подобного рода.

По мнению исследователей, память и история разделились лишь тогда, когда в XIX веке возникла историческая наука как профессиональный дискурс и они открыли друг в друге свою противоположность. Для всех более ранних форм историописания характерно то, что они признавали себя как разновидность воспоминания, как сохранение памяти. Поэтому в древности понятия «история» и «память» пересекаются. От Античности до Нового времени в историописании постоянно подчеркивается, что его главной функцией служит сохранение памяти; историография считала своей задачей легитимировать генеалогию правящей династии, институции или государства, засвидетельствовать их преемственность отсылкой к славному прошлому. Первичной функцией историографии было то, что ныне именуется «исторической политикой» или «политикой прошлого»; речь шла о конструировании такой памяти, которая в качестве «служанки власти», заложив фундамент политического сообщества, обслуживает политические интересы правящей верхушки в настоящем.

По мнению французского историка П. Нора задача истории – это бесконечный поиск истины. «Память не интересуется истиной, ее цель –

---

³ Эрикссон Э. Идентичность: юность и кризис. М., 1996. С. 32.

хранить верность определенным воспоминаниям и чувствам. В то же время, история – не вполне наука, а память всегда обманчива. И все же у них совершенно разные сферы компетенции»⁴. Историки задаются вопросом – отчего так обострились взаимоотношения памяти и истории? Ответ, наверное, состоит в том, что за последние пол столетия и коллективная память и история очень изменились. Очень изменилось общество. Мир сотрясали войны, революции, общество радикально изменилось. Изменилось, ускорилось восприятие времени. Невозможно поэтому, чтобы свидетели, жертвы или даже просто современники всех этих событий не задавались вопросом о том, как и почему они произошли, и не требовали своего рода объяснений от историков, которые, в свою очередь, одержимы идеей подобных объяснений⁵.

Память, в отличие от истории связана с эмоциями. Она подвержена всяким изменениям, влияниям, забываниям, манипуляциям. Она связана с прямым или опосредованным личным переживанием событий прошлого.

Один из подходов к проблеме памяти, которые господствуют сегодня в историографии, состоит в том, что он имеет дело почти исключительно с памятью в виде репрезентации. Другими словами, он подчёркивает момент воспоминания и фактически игнорирует момент повторения, или стереотипы мышления. Здесь речь идёт об отрицании традиции. Теоретическое истолкование этого взгляда было впервые выдвинуто Морисом Хальбваксом и развито Мишелем Фуко. М. Фуко отрицал традицию как основание исторического исследования⁶. Он утверждал, что, обращаясь к традиции, историки связывают её с отдельными концепциями прошлого. Традиции создают иллюзию единства и направленности интеллектуального поиска, повторяя и модифицируя предшествующий интеллектуальный ориентир. По

---

⁴ Нора П. Всемирное торжество памяти / П. Нора // Неприкосновенный запас. - 2005. - № 2-3 (40-41). – С. 202-208.

⁵ Нора П. История и память в эпоху господства идентичностей // Этнографическое обозрение. 2011. № 4.

⁶ Фуко М. История безумия в классическую эпоху. – Санкт-Петербург.: Университетская книга, 1997.

мнению М. Фуко, история является изучением коммеморативных форм, а её главный интерес лежит в области политики, имеющей дело с памятью.

М. Хальбвакс считал, что в традиции прошлое оценивается в связи с потребностями настоящего. И поскольку традиция использует коллективную память с выгодой для настоящего, то она превращается в процесс политических манипуляций.

Если говорить о предпосылках манипуляций исторической памятью, то необходимо снова обратиться к такой проблеме как восприятие времени. Общеизвестно, что историческое исследование тесно связано с переживанием времени и исследователи отмечают, что, во-первых, сейчас, по сравнению с античностью изменилось представления и формы восприятия времени. Известны три формы восприятия времени – футуризм, презентизм и антикваризм. «Тип исторического мышления...это не нечто метафизическое и абстрактное, он самым непосредственным образом связан с тем отношением к прошлому, настоящему и будущему, которое господствует в данном обществе. И античная концепция «истории-наставницы», и христианская концепция истории были обращены в прошлое, ставили на первое место то, что уже было, уже свершилось»⁷. Прежний тип исторического мышления сменился новым. XX век, по словам исследователей, стал веком торжества футуризма и презентизма. В начале века футуризм, который представлял культ будущего, в конце века сменяется презентизмом, когда предметом культа становится настоящее. Настоящее, которое самоценно или ценно само по себе. Настоящее, когда оно не представляет интерес, как связующая нить с прошлым и не предпосылка будущего. Современный презентизм, по мнению исследователей, это совершенно определённое чувство и ощущение времени, когда настоящее понимается не как разрыв между прошлым и будущим, как период, обусловленный тем, что уже прошло и тем, что ещё не наступило. Настоящее

---

⁷ Мильчина В. Типы исторического мышления: презентизм и формы восприятия времени. Франсуа Артог // Отечественные записки. 2004. № 5 (20).

детерминировано только им самим. Настоящее детерминирует и определяет как своё прошлое, так и своё будущее⁸.

По мнению Г. Кнабе, упразднение понятия национально-культурной идентификации как реальности и как ценности, отсюда – упразднение оппозиции – «свой – чужой», а отсюда – восприятие истории как отчуждённого, то есть вполне «манипулябельного» процесса. Задача цивилизации постмодерна состоит в том, чтобы очистить жизнь общества от предыдущего состояния, то есть, в частности, от «тирании истории». Но если то, что было до меня, мне чуждо или должно быть чуждо, если я его не знаю и не хочу знать, то я утрачиваю идентификацию с предшествующими мне поколениями. Внутренне, экзистенциально, меня ничто к ним не привязывает – они мне не чужие и не свои. История как объективный непреложный процесс не сказывается на моём общественном и культурном зрении и не формирует его. Она выступает по отношению ко мне как нечто внешнее, утрачивает внутреннюю необходимость и потому дана мне как достаточно произвольная конструкция – манипулируемая⁹.

Одним из самых старых и распространённых способов воздействия на память являются установки памятников. Наиболее фундаментальная цель установки памятников — остановить время, заблокировать работу забвения. Нужно заметить, что эти практики использовали ещё в древности. Таково и забвение, сознательно организуемое государственными властями ради корректировки культурно-исторического самосознания в направлении, им выгодным. Оно было известно давно. В Древнем Риме принимались специальные правительственные постановления о проклятии памяти государственных деятелей и принцепсов, объявленных сенатом врагами государства, на основе которых уничтожались их изображения, а имя выскабливалось из надписей. Немецкий исследователь Ф.Б. Шенк замечает: «Память нации является полем борьбы не только во время главных

---

⁸Мильчина В. Типы исторического мышления: презентизм и формы восприятия времени. Франсуа Артог // Отечественные записки. 2004. № 5 (20).

⁹Кнабе, Г. Вторая память Мнемозины / Г. Кнабе // Вопросы литературы. - 2004. - № 1. – С. 3-24.

поворотов исторического процесса страны, во время революции или перемен государственной системы. Разрушение старых и создание новых памятников - только самые очевидные и бросающиеся в глаза примеры данного процесса. Долгое время обладание политической властью обозначало одновременно контроль над коллективной памятью нации»¹⁰. Противники культивирования памяти посредством проведения из года в год одних и тех же ритуалов или создания мемориальных комплексов, музеев и других подобных учреждений, считают, что все это имеет целью осуществить мифологизацию прошлого, то есть некий суррогат религии. По мнению таких критиков, насаждение памяти государством ориентировано на то, чтобы изобрести новые культовые церемонии для общества, где место прежних культов опустело, или придать некое самобытное сознание обществу, оставшемуся без идентификации, а во многих случаях и на то, чтобы легитимировать различные идеологии, предназначенные для обслуживания государства.

Манипуляции памятью, вызваны вторжением между претензией на идентичность и публичными выражениями памяти. многоликого и вызывающего тревогу фактора. Речь идет о феномене идеологии,

Идеология, в конечном счете, вращается вокруг власти. Идеология стремится узаконить авторитет порядка или власти. Стратегии, использующей одновременно как забвение, так и воскрешение в памяти. Но именно на том уровне, где идеология действует как дискурс, поддерживающий власть, господство, приводятся в действие ресурсы манипуляции.

И поскольку традиция использует коллективную память с выгодой для настоящего, то она превращается в процесс политических манипуляций¹¹. Учёные, опирающиеся на открытия М. Хальбвакса, главным образом в исследовании коммемораций (М. Фуко, П. Нора), показывают, что главный интерес для них представляют не события прошлого, а их репрезентации.

---

¹⁰ Шенк Фритьеф Бенъямин. Концепции «Lieux de memoire» // bschenk@zedat.fu-berlin.de.

¹¹ Хобсбаум Э. Изобретение традиций // Вестник Евразии. 2000. № 1 (8). С. 47 – 62.

Они подчёркивают момент воспоминания и игнорируют момент повторения – это и есть отрицание традиции. Но общество пребывает в постоянном движении от прошлого к будущему. Его настоящее – просто фаза между тем, что произошло, и тем, что произойдёт. В настоящем имеют место отголоски, следы прошлого и потенциальные ростки будущего. Природа общества такова, что его предшествующие стадии причинно связаны с текущей, нынешней фазой, а она в свою очередь, формирует почву для следующей. Связь, которая соединяет общество с его прошлым, не может исчезнуть полностью. Она наследуется благодаря самой природе общества, памяти и традиции.

Заключение. Историческая память – одно из измерений коллективной / социальной памяти, это память об историческом прошлом, или, вернее, его символическая репрезентация. Историческая память – не только один из главных каналов передачи опыта и сведений о прошлом, но и важнейшая составляющая самоидентификации индивида, социальной группы и общества в целом, ибо оживление разделяемых образов исторического прошлого является таким типом памяти, который имеет особенное значение для конструирования и интеграции социальных групп в настоящем.

При философском исследовании исторической памяти мы сталкиваемся с множеством проблем и теоретического и практического свойства. Мы определили задачи в данной работе как – травмы исторической памяти, идентичность, идентичность в рискогенном обществе, взаимоотношение памяти и истории как двух феноменов, отвечающих за наше прошлое, и как в познании прошлого на смену истории приходит память как альтернативное знание о прошлом. И главное внимание мы уделили проблеме манипуляции исторической памятью.

Мы пришли к выводу, что историческая травма продолжает жить, изживаться и переживаться выжившим, и, хотя формы травмы могут ослабевать, но всё же передаются потомкам. Современная история травматична. Используя психоаналитический подход, учёные

руководствовались тем, что есть обоснованные сомнения в претензии сознания познать самого себя. Психоанализ помогает вернуть память и изжить травму и у индивидуума и у социума.

Чем более значимую роль играет память, тем важнее становится определить отношение между памятью и историей. Рассмотрев крайние позиции памяти / истории: мнение М. Хальбвакса о крайней противоположности памяти и истории, мнение философов постмодерна об упразднение оппозиции – «свой – чужой», а отсюда – восприятие истории как отчуждённого, то есть вполне «манипулябельного» процесса. Мы пришли к выводу о том, что у памяти и истории разные сферы компетенций.

Очень важный для нас фрагмент работы о манипуляции исторической памятью. Чтобы уяснить такой важный момент как манипуляция, мы, прежде всего, обратились к предпосылкам манипуляций исторической памятью, и это такая проблема как восприятия времени. Она состояла в использовании презентизма, то есть, когда настоящее детерминирует и определяет как своё прошлое, так и своё будущее.

Мы во многом следовали логике П. Рикёра, который исходит из переплетения проблематики памяти с проблематикой идентичности, как коллективной, так и индивидуальной. Он считал, что именно в проблематике тождества, или идентичности, следует теперь искать причину непрочности памяти, которой манипулируют. На наш взгляд также в манипуляции исторической памятью заинтересовано государство, которое при помощи разнообразных манипулятивных методов (воздвижения памятников, изобретения традиций, использования цензуры и других), при помощи насилия пытается сформировать такую историческую память о прошлом, которая необходима государству в настоящем.

